

Анархия и ее место в социалистической эволюции

1917

Оглавление

I.	3
II.	7
III.	12

I.

Граждане и гражданки!

Вы, наверное, не раз спрашивали себя, какой смысл в существовании анархизма? Зачем, рядом со столькими существующими уже социалистическими школами, основывать ещё новую школу – анархистскую? На этот-то вопрос я и намерен ответить. И для того, чтобы наилучшим образом сделать это, позвольте мне перенестись к концу прошлого столетия.

Вы знаете всё, что охарактеризовало эту эпоху. Рассвет мысли; поразительное развитие естественных наук; неумолимая критика установившихся предрассудков; первые попытки объяснить природу истинно научным образом, наблюдением, опытом и рассуждением.

С другой стороны, критика политических учреждений, перешедших человечеству по наследству от прошлых веков: стремление к идеалу свободы, равенства и братства, который во все времена был идеалом народных масс.

Замедленное в своем свободном развитии деспотизмом и узким эгоизмом привилегированных классов, это движение, одновременно поддерживаемое и благоприятствуемое взрывом народного негодования, породило великую революцию, которой пришлось прокладывать себе дорогу среди тысячи внешних и внутренних препятствий.

Революция была побеждена, но идеи её остались. Преследуемые и оплеванные сначала, эти идеи стали лозунгом медленной эволюции целого века. Вся история XIX столетия сводится к усилиям перенести на практику принципы, выработанные в конце прошлого столетия. Такова судьба всех революций. Хоть и побеждённые, они дают содержание эволюции, следующей за ними.

В отношении политическом идеи эти сводятся к уничтожению привилегий аристократии, давлению личного правительства, равенству перед законом. В экономическом отношении революция провозглашает свободу торговых сделок. «Всё, – говорит она – покупают и продают свободно. Продавайте предметы вашего производства, - если вы имеете возможность производить; а если у вас нет необходимых для этого орудий, если у вас имеются на продажу только руки, - продавайте их, продайте свою работу тому, кто больше даст, а государство не будет вмешиваться! Боритесь между собой, предприниматели! Никому никаких льгот. Естественный подбор позаботится уже о том, чтоб не убить оказавшихся на высоте индустриального прогресса и благоприятствовать тем, кто обгонит других.

Такова, по крайней мере, революционная теория третьего сословия. А если государство вмешается в борьбу, оказывая покровительство одним в ущерб другим – это можно было видеть недавно, когда шли споры о монополиях горнозаводских и железнодорожных компаний – либеральная школа будет говорить об этом, как о печальном уклонении от великих принципов революции, как о злоупотреблении,

которое необходимо заглазить. Результат? Увы, вы его слишком хорошо знаете, граждане и граждане, собравшиеся в этой зале. Праздное довольство для немногих, неуверенность в завтрашнем дне, нищета – для громадного большинства. Кризисы, войны за преобладание на рынках; сумасшедшие расходы государств ради приобретения мест сбыта для промышленных предпринимателей.

Провозглашая свободу торговых сделок, наши отцы оставили в стороне один очень существенный пункт. И не потому, чтоб они забыли о нём; лучшие люди призывали к этому, но у них не хватило смелости его осуществить. Дело в том, что, провозгласив свободу торговых сделок, иначе говоря, борьбу между членами общества, общество не поставило друг против друга элементов, обладающих равной силой. И сильные, вооружённые для борьбы отцовским наследством, двинули его на слабых. Миллионы бедняков, поставленные против нескольких богачей, фатальным образом должны были оказаться побеждёнными.

Граждане и граждане! Задавали ли вы себе когда-нибудь вопрос: откуда берётся огромное состояние богачей? – Результат их работы? Было бы наивной шуткой сказать это. Предположим, что г. Ротшильд работал всю свою жизнь. Но, ведь и вы тоже, каждый из рабочих, собравшихся здесь, тоже трудились. Почему же цифра состояния Ротшильда представляет собой сотни миллионов, а вашего – такой пустяк? Причина этого очень проста. Дело в том, что в то время, как вам суждено производить самим, г. Ротшильду дано собирать плоды работы других. В этом всё.

«Но каким же образом, – скажут мне – находятся миллионы людей, которые дают Ротшильдам и Маккаям скупать результаты своих трудов?» – Ответ прост: они не могли бы сделать иначе в силу своей обездоленности!

Действительно, вообразите себе город, все жители которого – при условии производства вещей, полезных для всех, – имеют обеспеченным жильё, одежду, пищу и работу. И вообразите, что в этот город является какой-нибудь Ротшильд с бочонком золота.

Если он станет тратить свое золото, бочонок опустеет очень быстро. Если он спрячет его под ключ, золото не станет сыпаться через края, ибо золото не всходит как бобы, и через год наш Ротшильд не найдёт в своём ящике 110 луи, если он положил туда только сто. А если он выстроит завод и предложит жителям города работать на нём за пять франков в день, тогда как они будут производить на десять, ему ответят: «У нас, сударь, вы не найдёте никого, кто согласился бы работать на подобных условиях! Ступайте в другое место, поищите город, населённый несчастными людьми, не имеющими ни обеспеченной работы, ни одежды, ни хлеба. Они, пожалуй, согласятся отдать вам львиную долю продуктов своего труда, лишь бы вы им дали на что купить хлеба. Ступайте туда, где мрут с голода! Там вы сумеете накопить состояние!».

Источник громадных состояний богачей – ваша нищета! Пусть не будет раньше обездоленных! Тогда не станет и миллионеров.

Это и есть то самое, чего революция прошлого столетия не сумела или не могла осуществить. Она поставила друг против друга, с одной стороны, бывших рабов, умирающих с голоду, а с другой стороны, тех, кто уже обладал состояниями. Она сказала им: боритесь! И бедняки были побеждены. У них не было никакого состояния: но они обладали кое-чем более драгоценным, чем золото всего света – собственными руками. И эти руки, этот источник всех богатств, были порабощены богачами.

И мы видели, как возникали огромные состояния, которые представляют характерную черту нашего века. Король прошлого столетия «Великий Людовик XIV» продажных историков - посмел ли он когда-нибудь мечтать о богатстве королей XIX столетия, Вандербильдов и Маккаев?

И с другой стороны, мы видели, как всё более становился в необходимость работать на другого; как мало-помалу исчезает производство на самого себя; и каждый день мы осуждены на труд для увеличения состояния богачей.

Люди стали искать средств предупреждения этих невзгод. Сказали: дадим всем равное образование. И стали распространять просвещение. Улучшили качество человеческих машин, но эти образованные машины всё-таки продолжают трудиться для обогащения других. Какой-нибудь знаменитый учёный или прославленный романист, несмотря на всё своё образование, весь свой талант, остаётся всё ещё вьючным животным капиталиста. Эксплуатируемый скот улучшается через образование, но эксплуатация остаётся.

Тогда стали говорить об ассоциациях. Но скоро стало ясно, что, ассоциируя свои несчастья, рабочие не справятся с капиталом. И даже те, которые питали больше всего иллюзий по этому предмету, должны были прийти к социализму.

Робкий с первых шагов социализм говорил сначала во имя чувства, во имя христианской морали. Нашлись люди, глубоко пропитанными моральными сторонами христианства, - основой человеческой морали, сохранённой религиями, - которые стали говорить: «Христианин не имеет права эксплуатировать своих братьев!» Но им отвечали, смеясь в глаза: «Проповедуйте народу христианскую безропотность, говорите именем Христа, что народ должен подставлять левую щеку тому, кто его бьёт по правой – милости просим! Что же до эгалитарных мечтаний, которые вы выискали в христианстве, - ступайте-ка в тюрьмы размышлять о своих находках!».

Позже социализм стал говорить, во имя государственной метафизики. Так как миссией государства, говорил он, является, главным образом, защита слабых от сильных, его долг – оказывать всяческую помощь и поддержку рабочим ассоциациям. Государство одно может поддерживать рабочие общества в их борьбе против капитала и противостоять капиталистической эксплуатации свободные кооперации рабочих со складами полного продукта их труда. – А им буржуазия ответила картечными залпами июня 48 года.

И только 20–30 лет спустя, когда народные массы были призваны вступить в Интернациональное Общество Рабочих, социализм стал говорить во имя народа. Только тогда, развиваясь мало-помалу на конгрессах большой Ассоциации и позже его последователями, он пришёл к следующему заключению:

«Все накопленные богатства являются продуктами труда всех – всего настоящего поколения и всех поколений предшествующих. Вот этот дом, в котором мы собрались сейчас, имеет ценность только потому, что он находится в Париже – в этом великолепном городе, где скоплены труды двадцати поколений. Перенесите его в снега Сибири, и ценность этого дома сведётся к нулю. Машина, которую вы изобрели и на которую получили патент, носит в себе знания пяти или шести поколений; и она ценна только как часть того огромного целого, что мы называем промышленностью девятнадцатого столетия. Перенесите вашу машину для выделки кружев к папуасам или в Новую Гвинею, и там ценность её будет ничтожной. Эта книга, наконец, это

произведение вашего гения, - мы сомневаемся, удастся ли вам определить, сколь велика часть ваших знаний в ваших превосходных выводах! Факты? Целое поколение трудилось над собиранием их. Идеи? быть может, это локомотив, прорезающий поля, который внушил их вам. Красота формы? Вы нашли её, восхищаясь Венерой Милосской или произведением Мурильо. И только благодаря общему целому нашей цивилизации ваша книга имеет на нас какое-нибудь влияние.

Всё принадлежит всем! И мы сомневаемся, удастся ли кому бы то ни было определить принадлежащую каждому часть в общей сумме богатств. Вот громада инструментов, которую создал девятнадцатый век; вот миллионы железных рабов, которых мы называем машинами и которые строгают и пилят, ткуют и прядут за нас, обрабатывают данные природой вещества и совершают чудеса нашей эпохи. Никто не имеет права перекупить какую-либо из этих машин и сказать другим: «Это – моё, если вы хотите воспользоваться этой машиной для производства, то должны заплатить мне налог с каждой вещи, которая будет вами сработана», - точно так же, как средневековый сеньор не имел права сказать земледельцу: «Этот холм, этот луг – мои, и вы заплатите мне налог за каждый сноп хлеба, что вы соберёте, за каждый стог сена, который вы сложите».

Всё принадлежит всем! И если мужчина и женщина вносят свою долю работы для производства необходимых предметов, они имеют право на свою долю из всей массы того, что будет произведено всеми!».

II.

«Всё принадлежит всем! И если мужчина и женщина вносят свою долю работы для производства необходимых предметов, они имеют право на свою долю из всей массы того, что будет произведено всеми!».

«Но ведь это коммунизм?» – скажете вы. Да, это коммунизм. Но коммунизм, говорящий не во имя религии и не во имя государства, а во имя народа.

Вот уже пятьдесят лет как в среде рабочего класса свершилось грандиозное пробуждение. Предрассудок частной собственности падает. Всё более и более привыкает рабочий смотреть на фабрику, железную дорогу, копи не как на феодальный замок, принадлежащий сеньору, а как на общественно-полезное учреждение, которое все имеют право контролировать.

Идея общественного владения не была выработана путём последовательных выводов каким-либо кабинетным учёным. Эта мысль родилась в умах рабочей массы. И когда революция, которую даст нам конец настоящего века, приведёт в смятение лагерь эксплуататоров, – вы увидите, что громадная народная масса потребует экспроприации и заявит свои требования на завод, на фабрику, на локомотив и пароход.

Наряду с тем, как во второй половине нашего столетия развилось чувство неприкосновенности личности, в массах выросло и чувство коллективного права на всё, что служит для производства благ. Это факт. И если кто-либо захотел жить, как мы, жизнью народа, и следить за его развитием, он согласился бы, что подобное утверждение представляет собой только верное резюме народных стремлений.

Да, тенденция конца XIX века есть стремление к коммунизму; не к коммунизму монастыря или казармы, проповедывавшемуся когда-то, а к свободному коммунизму, который даёт всем возможность пользоваться продуктами, собранными или сфабрикованными сообща и оставляет за каждым свободу потребления по своему вкусу, у себя дома.

Это решение является наиболее доступным для народных масс, решение, которого народ требует всякий раз в часы торжества. В 1848 году формула: «каждый даёт по возможности, каждый получает по его потребностям» оказывается наиболее близкой сердцу масс. Если они приветствуют Республику, всеобщую подачу голосов, то только потому, что надеются в конце этапа найти коммунизм. И в 1871 году, в осаждённом Париже, когда народ хочет сделать отчаянное усилие, чтобы противостоять завоевателю, чего он требует? – дележа.

Собрать в общее все продукты и делить их соразмерно потребностям каждого. Устроить общий склад всего, что имеется в избытке, и делить те предметы, которых может не хватить – вот народное решение. Оно практикуется ежедневно в деревнях. Когда лугов достаточно, – какая Коммуна вздумает ограничить пользование ими? Если топлива и каштанов достаточно, – какая Коммуна запретит своим членам брать

сколько угодно? А когда лесу начинает не хватать, к чему прибегает крестьянин? – к дележу.

Устройство общего склада для всех имеющихся в достатке продуктов. Дележ по порциям всех тех предметов, производство которых ограничено, дележ сообразно потребностям, отдавая преимущество детям и старикам, одним словом, малосильным. И все это потребляется не из общественного котла, но у себя, сообразно своим индивидуальным вкусам, в кругу своей семьи и своих друзей. Вот каков идеал масс, выразителем которых мы являемся.

Но недостаточно сказать: «Коммунизм – экспроприация!» Необходимо знать ещё, на ком будет лежать управление общественным имуществом; вот по этому-то вопросу и расходятся главным образом социалистические школы: одни хотят коммунизма авторитарного, а мы открыто стоим за коммунизм анархический.

Чтоб разобрать оба направления, возвратимся ещё раз к пункту нашего отправления – революции прошлого столетия.

Свергнув королевскую власть, революция провозгласила суверенитет народа. Но, оставаясь непоследовательной, что было вполне естественно для той эпохи, она провозгласила суверенитет не постоянный, а перемежающийся, практикующийся только через известные промежутки времени, для выбора депутатов, которые, как это предполагалось, должны были являться представителями народа. По существу, революция скопировала институты представительного правительства Англии.

Революция была потоплена в крови, но тем не менее представительное правление стало боевым кличем Европы. Вся Европа, за исключением России испробовала его под всевозможными формами, начиная с правления конституционного и кончая прямым правлением маленьких республик Швейцарии.

Но, удивительная вещь, по мере того, как мы приближаемся к идеальному представительному правлению, избранному всеобщей вполне свободной подачей голосов, мы открываем в нём существенные недостатки. Мы приходим к заключению, что этот способ управления грешит в самой основе своей.

И действительно, не абсурдно ли брать из среды населения известное количество людей и доверять им заботу обо всех народных делах, говоря им: «Займитесь ими, мы складываем с себя и передаём вам всю работу. Ваше дело издавать законы обо всём: вооружении и бешеных собаках, обсерваториях и дымовых трубах, просвещении и подметании улиц. Сговаривайтесь, как вам будет угодно и составляйте законы, ибо вы избранники, которых народ нашёл годными для всякого дела.

Я не знаю, граждане, но кажется мне, что если бы предложили серьёзному человеку подобный пост, он должен был бы ответить приблизительно так:

«Граждане, вы доверяете мне работу, в которой я не имею познаний по большинству из тех вопросов, относительно которых мне придётся составлять законы. Одно из двух, или я буду действовать отчасти слепо, и вы здесь ничего не выиграете, или я обращусь к вам и созову собрания, на которых вы сами постарайтесь прийти к соглашению по каждому вопросу: моя роль станет в таком случае бесполезной. Если вы составили себе определённое мнение и если вы его сформулировали, если вы хотите столкнуться с другими гражданами, тоже составившими себе мнение по этому предмету, - вы можете просто войти в обмен мыслями с вашими соседями и послать делегата, который сможет прийти к соглашению с другими делегатами по

поводу этого частного вопроса. Но вы, наверное, оставите за собой окончательное решение. Вы не доверите ему издания для вас законов. Так поступают уже учёные, промышленники всякий раз, как им необходимо прийти к соглашению по вопросам, касающимся их общего интереса».

Но это будет отрицание представительного правления, правительства и государства. И, однако, эта идея растёт повсюду с тех пор, как недостатки представительного правления, обнажённые, сделались столь кричащими.

Наш век пошёл ещё дальше. Он поставил на обсуждение права государства и общества по отношению к индивиду. Был поставлен вопрос, до какого предела необходимо вмешательство государства в тысячи общественных функций.

Нуждаемся ли мы, действительно, в правительстве для воспитания наших детей? Пусть только рабочий будет иметь свободное время, чтоб самому образовываться, - и вы увидите, как повсюду станут появляться, обязанные свободной инициативе родителей и лиц, любящих педагогию, тысячи обществ просвещения. Если бы мы не были придавлены налогами и эксплуатируемы нашими хозяевами, как это есть в действительности, - разве мы не сумели бы сделать бесконечно лучше сами? Большие центры взяли бы на себя инициативу усовершенствований и подавали бы пример; а прогресс, раз совершившись, - был бы несравненно выше того, который мы получаем от наших министерств.

Необходимо ли государство даже для защиты территории? Если вооружённые разбойники нападут на свободный народ, то этот самый народ, вооружённый и снабжённый самыми необходимыми средствами, не представляет ли он сам наиболее надёжный оплот, могущий противопоставить себя внешним врагам? Постоянные армии всегда побиваются нападающими, и история тому свидетель, - если удаётся их отбросить, то это делает всегда только поднявшийся народ.

Отличная машина для поддержки монополий, смогло ли государство защитить нас от нескольких индивидов, которые оказались бы склонными приносить нам вред? Создавая нищету, разве оно не увеличивает количества преступлений, вместо того чтобы их уменьшать? Создавая тюрьмы, которые поглощают целые поколения взрослых и детей, выходящих бесконечно более испорченными, чем они были в тот день, когда вошли туда, - разве государство не содержит рассадников пороков за счёт плательщиков податей?

Заставляя нас передавать другим заботу о наших делах, разве государство не создаёт самого ужасного из всех общественных пороков - индифферентизма в области общественного дела?

И с другой стороны, если мы станем анализировать все великие успехи нашего века - нашу международную торговлю, наши промышленные открытия, наши пути сообщения, - что мы найдём, кому мы обязаны ими: государству или частной инициативе? Вот сеть железных дорог, покрывающая всю Европу. Вы берёте, например, в Мадриде билет прямо до Петербурга. Вы катите по дорогам, которые были сооружены миллионами рабочих, приведённых в движение двумя десятками компаний; испанские, французские, баварские, русские локомотивы будут прицепляться к вашему вагону. Вы катите, не теряя нигде более двадцати минут, и двести франков, заплаченных вами в Мадриде, распределяется поровну между компаниями, которые способствовали вашей поездке.

И вот, эта линия от Мадрида до Петербурга составила из отдельных небольших звеньев, которые мало-помалу были соединены. Поезда прямого сообщения являются результатом соглашения между двадцатью различными компаниями. Я знаю, что сначала были несогласия, что компании, вследствие плохо понятого эгоизма, не хотели войти в соглашение с другими. Но я спрашиваю вас: что было бы лучше? подвергнуться этим недоразумениям или ждать, что какой-нибудь Бисмарк, Наполеон или Чингисхан покорил Европу, начертал бы линии по компасу и приказал пустить в ход поезда? Мы бы ещё и теперь ездили в дилижансах.

Сеть железных дорог является произведением человеческого ума, переходящего от простого к сложному, независимыми усилиями заинтересованных! Таким-то образом и осуществлялись все великие предприятия нашего века. Мы платим, правда, слишком дорого управляющим этими предприятиями. Отличное основание для уничтожения их ренты, но не для того, чтобы передать управление железными дорогами Европы европейским правительствам.

Сколько тысяч примеров можно было бы привести для обоснования той же самой мысли! Возьмите все большие предприятия: Суэцкий канал, навигацию через Атлантический океан, телеграф, соединяющий обе Америки. Возьмите, наконец, эту промышленную организацию, которая даёт возможность, встав утром, быть уверенным в том, что достанете хлеб у булочника, - если только вы имеете чем заплатить, а это не всегда бывает в наши дни, - мясо у мясника и всё необходимое в магазинах. Разве это плод работы государства? Конечно, мы ужасно дорого платим теперь за посредничество. Ещё одно основание для его уничтожения, но не для того, чтоб необходимость поручения правительству заботы о доставлении нам пищи и одежды.

Но [о] чём я говорю! Если мы присмотримся ближе к развитию человеческого ума в нашу эпоху, мы будем поражены многочисленностью обществ, которые основывает человек для удовлетворения своих бесконечно разнообразных нужд: обществ учёных, промышленных, обществ для развлечения и отдыха; одни, маленькие, имеют своей целью распространение универсального языка или какого-либо метода стенографии, другие, грандиозные, как то, которое основывалось недавно для защиты берегов Англии, для избегания необходимости судов, и т. д. Если бы кто захотел составить каталог миллионам обществ, существующих в Европе, пришлось бы исписать тома, и мы увидели бы, что нет ни одной ветви человеческой деятельности, которой не было бы посвящено какое-либо общество. Само государство призвало к этому в наиболее важной области своего ведения – войне. Оно сказало: «Мы берёмся убивать, но нам не под силу заботиться о жертвах; основывайте общество Красного Креста, чтоб собирать их на полях сражений и ухаживать за ними!».

Итак, граждане и гражданки, пусть другие превозносят промышленную казарму и монастырь авторитарного коммунизма, мы заявляем, что тенденция обществ движется в направлении противоположном. Мы увидим, как свободно учреждаются миллионы групп, имеющих целью удовлетворение всех разнообразных нужд человеческих существ, - групп, из которых одни организованы по кварталам, по улицам, домам, другие – подают друг другу руки через стены городов, через границы и океаны. Всякое соединение человеческих существ, свободно сходящихся друг с другом и отделившихся от своей работы производителей, организуется в ассоциа-

ции, - потребительские, для производства предметов роскоши, или имеющих целью двинуть науку в новом направлении.

Такова тенденция XIX столетия, и мы следуем ей. Мы добиваемся только её свободного развития, без помех со стороны правительств. Свобода индивиду! «Возьмите камни, говорил Фурье, положите их в ящик и потрясите. Они уложатся сами в мозаику, которой вам никогда бы не удалось устроить, если бы вы поручили кому-нибудь заботу о том, чтоб правильно расположить эти камни.

III.

Теперь, граждане и гражданки, позвольте мне перейти к третьей части моей темы – наиболее важной с точки зрения будущего. Нет никакого сомнения: религии падают. Девятнадцатое столетие нанесло им смертельный удар. Но религии, все религии, двойственны по своему составу. Они содержат, во-первых, примитивную космогонию, грубое объяснение природы, и, во-вторых, - изложение популярной морали, взращенной и развившейся в среде народной массы.

Но выбросив за борт религии, сдав в архивы в качестве исторических редкостей их космогонии, поместим ли мы также в музеи те принципы морали, которые они содержат?

Это было сделано, и мы видели, как целое поколение объявило, что не верует больше в религию и смеётся над её моралью, открыто провозгласив принцип буржуазного эгоизма – «Каждый за себя».

Но всякое общество, состоит оно из людей или из животных, не может существовать без того, чтобы выработать в своей среде известные правила и обычаи морали. Религия может пасть, но мораль останется.

Если мы дойдём до признания того, что каждый отлично делает, когда лжёт, обманывает своих соседей, грабит их, когда это возможно (такова мораль буржуазии в её экономических отношениях), - то мы придём к невозможности совместной жизни. Вы заверяете меня в вашей дружбе, - но, может быть, только для того, чтоб лучше меня обокрасть. Вы обещаете мне сделать что-нибудь, - опять-таки, чтобы меня надуть. Вы обещаетесь передать письмо, - и вы крадёте его у меня, как простой тюремный смотритель.

В подобных условиях существование общества становится невозможным. Это сознаётся всеми настолько, что отрицание религии ничуть не мешает утверждению общественной морали, её развитию и стремлению ко всё более и более возвышенным целям.

Факт этот столь разителен, что философы стараются объяснить его принципами утилитаризма. И недавно Спенсер пытался обосновать эту существующую среди нас мораль на причинах физиологических и на необходимости сохранения расы.

Чтоб наилучшим образом изложить вам, что мы думаем тому же предмету, позвольте мне сделать это на примере.

Вообразите себе такую картину: вот тонет ребёнок, и четверо людей на берегу видят, как он борется с волнами. Один из них не двигается с места – это последователь принципа «каждый за себя» торгующей буржуазии, человек недоразвившийся, - не будем о нём говорить! Другой размышляет так: «Если я спасу ребёнка, то Создатель возблагодарит меня, удвоив мои стада и моих рабов». – И он бросается в воду. – Это человек нравственный? Очевидно, нет! Он хорошо высчитывает, вот и всё.

Третий – утилитарист, размышляет так (или по крайней мере его заставляют так рассуждать философы-утилитаристы): «Наслаждения можно разделить на две категории, - наслаждения низменные и наслаждения возвышенные. Спасти кого-нибудь – это высокое наслаждение, бесконечно более сильное и продолжительное, чем все прочие; - итак, спасём ребёнка!».

Допустим, что человек никогда не размышлял подобным образом, но не представляет собой ужасного эгоиста? И помимо того, разве мы можем быть уверены, что в известный момент его софистический мозг не заставит склониться его волю на сторону низменных наслаждений?

Вот, наконец, четвёртый. С детства он был воспитан так, что чувствовал себя единым со всем остальным человечеством. С детства он думал всегда, что люди солидарны. Он привык страдать, когда страдают другие рядом с ним, и чувствовать себя счастливым, когда счастливы все кругом! И лишь только он услышал отчаянные крики матери он, не размышляя, инстинктивно, бросился в воду, чтоб спасти ребёнка. И когда мать благодарит его, он отвечает ей: «Не за что, милая! Я так счастлив, видя вас счастливой. Я поступил совершенно естественно, иначе поступить я не мог!».

Ваши взгляды, гражданки, говорят мне: вот поистине нравственный человек, другие с ним рядом только эгоисты.

И вот, граждане, в этом вся анархистская мораль. Мораль без принуждения или санкции, мораль, утверждённая обычаем. Создадим условия, при которых человек не будет принужден лгать, обманывать, эксплуатировать других. И моральный уровень человечества, самой силой вещей подымается до невиданной доселе высоты.

Но, конечно, не морального катехизиса нравственно перевоспитывают людей. Не суды и не тюрьмы уменьшают пороки; целыми потоками разливают они их в обществе. Надо поставить людей в условия, благоприятствующие развитию привычек общественной жизни, и ослабить те обстоятельства, которые препятствуют этому.

Вот единственное средство для нравственного перевоспитания людей. Мораль, перешедшая в состояние самопроизвольности, - такова истинная мораль; она одна остаётся всегда, в то время, когда религии и философские системы проходят.

Теперь, гражданки и граждане, соедините эти три элемента, и вы получите анархию и её место в социалистической эволюции.

Освобождение производителя от ига капитала. Коммунальное производство и свободное потребление всех продуктов совместной работы.

Освобождение от ярма правительства. Свободное развитие индивидов в группах и групп в федерациях. Свобода организаций от простых до сложных сообразно взаимным нуждам и тенденциям.

Освобождение от религиозной морали. Свободная мораль, без принуждения и санкции, развивающаяся из самой жизни общества и переходящая в состояние обычая.

Это не мечта кабинетных мыслителей. Это вывод, явившийся результатом анализа тенденций современных обществ: Анархический коммунизм – это синтез двух основных тенденций наших обществ: стремлений к экономическому равенству и к политической свободе.

Пока коммунизм представлялся в форме авторитарной, включающей необходимость правительства, обладающего ещё большей властью, чем та, которой оно

обладает теперь, ибо оно включает понятие власти экономической в большей степени, чем политической, - коммунизм не находил отклика. Он мог воодушевить на момент рабочего, который накануне 1848 года был готов подчиниться какому угодно всемогущему правительству, лишь бы оно помогло ему выбраться из того ужасного положения, в котором он находился. Но истинные друзья свободы оставались холодными. В настоящее время политическое воспитание настолько подвинулось вперёд, что представительное правление, будет ли оно ограничено сферой одной коммуны или распространено на всю нацию, не воодушевит городских рабочих.

Анархический коммунизм стремится к победе наиболее ценной для всех – свободе индивида. Он расширяет её и даёт ей свободную базу – свободу экономическую, без которой политическая свобода остаётся пустым звуком.

Отрешившись от бога-господина вселенной, бога-Цезаря и бога-Парламента, анархический коммунизм не требует от индивида, чтоб он поставил над собой ещё более чудовищного бога-общество, чтоб он сложил у его престола свою независимость, волю, свои вкусы и дал обет аскетизма, как это делалось когда-то перед распятым богом.

Наоборот, он говорит ему: «Нет свободного общества, пока не свободен индивид! Не думай исправить общество, ставя над ним власть, которая нивелирует всё. Ты потерпишь фиаско в этом предприятии так же, как папа и Цезарь. - Но измени общественные отношения так, чтобы подобные тебе не стали бы в силу вещей твоими врагами. Уничтожь условия, позволяющие нескольким скупать плоды трудов других. И вместо того, чтобы пытаться перестроить общество сверху вниз, от центра к периферии, дай ему свободно развиваться форм простых к сложным через свободный союз свободных групп. Теперь стеснённый, этот ход и является истинным ходом развития общества. Не пытайся мешать ему, не поворачивайся спиной к прогрессу, шествуй вместе с ним! – Чувство общности, свойственное всем человеческим существам, как и всем живущим обществами животным, получит возможность свободно развиваться, когда наши братья перестанут быть нашими врагами. – И мы придём к такому положению вещей, при котором каждый сможет свободно проявлять склонности, даже свои страсти, без какого бы то ни было препятствия, кроме любви и уважения к его окружающим».

Вот наш идеал. Это идеал, скрытый в сердцах народов, всех народов.

Мы знаем, что не достигнем этого идеала без сильных потрясений.

Конец этого века готовит нам грандиозную революцию. Выйдет ли она из Франции, Германии, Испании или России, она будет европейской. Она распространится с такой же быстротой, что и революция наших старших, героев 1848 года. Она обоймёт всю Европу.

Она не произойдёт во имя простой перемены правительства. Она будет иметь социальный характер. Начнётся экспроприация, эксплуататоры будут изгнаны. Хотите вы её или нет, – она совершится независимо от воли отдельных индивидов. И если уже отменяют частную собственность, то невозможно будет не прийти к коммунизму. Но коммунизм не может быть ни авторитарным, ни парламентарным. Он будет анархическим или его не будет совсем. Народная масса не хочет больше доверяться никакому спасителю: она постарается организовать сама.

Не потому, что мы представляем себе людей лучшими, чем они есть на самом деле, говорим мы о коммунизме и анархии. Если бы среди нас были ангелы, мы бы могли доверить им заботу о нашей организации. И всё-таки довольно скоро у них выросли бы рога! Но вот именно потому, что нет ангелов среди людей, мы говорим: «Сделайте так, чтоб каждый человек видел свой интерес в интересах других, и вам нечего будет бояться дурных страстей».

Анархический коммунизм является неизбежным результатом современных тенденций, и к этому идеалу должны мы стремиться, вместо того чтобы сказать: «Да, анархия прекрасный идеал», - а затем повернуться спиной к нему.

И если грядущей революции не удастся осуществить этот идеал целиком, - то всё, что будет сделано в этом направлении к этому идеалу, останется: всё, что будет сделано в направлении противоположном, будет осуждено на исчезновение.

Главное правило. – Народная революция может быть побеждена, но она даёт лозунг следующему за ней веку эволюции. Франция задыхается под каблуками союзников в 1815 году, но эта Франция внушает Европе уничтожение рабства, представительное правление. Всеобщая подача голосов потоплена в крови, но она становится лозунгом века.

Коммуна испускает дух в 1871 году среди картечных залпов, но именно свободная Коммуна становится лозунгом во Франции.

И если анархический коммунизм будет побеждён во время грядущей революции, от него останется не только уничтожение частной собственности; не только рабочий завоюет себе настоящее место в обществе, не только земельная и промышленная аристократия получит смертельный удар. – Но именно анархический коммунизм станет точкой предела эволюции двадцатого столетия.

Он заключает в себе всё самое лучшее, самое вечное, что выработало человечество: чувство справедливости, чувство свободы, солидарность, ставшую для человека необходимостью. Он гарантирует свободу развития индивида и общества. И он одержит победу.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Анархия и ее место в социалистической эволюции
1917

Анархия и ее место в социалистической эволюции. — М.: Издание Московской
федерации анархических групп, 1917. — 31 с.

ru.anarchistlibraries.net